

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2025. № 4 (89). С. 46–56.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2025; 4 (89):46–56.

Научная статья
УДК 94(520)
DOI 10.37724/RSU.2025.89.4.005

«...С точки зрения япониста и только». Р. Н. Ким о Японии в советской литературе: конфликтный опыт освоения текущего идеологического процесса

Александр Евгеньевич Куланов
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
Kodzin@mail.ru

Аннотация. В 1934 году в ряде отечественных газет и журналов состоялась дискуссия на дальневосточную тему, обусловленная растущим напряжением на границе СССР и созданием прояпонского марионетного государства Маньчжоу-Го. Представляется важным отметить не просто участие в этой дискуссии, а факт ее запуска со стороны японоведа, писателя, литературного критика и контрразведчика Романа Николаевича Кима. Профессиональный японист Ким впервые в истории советской литературы выступил с резкой критикой складывающегося подхода по созданию так называемыми писателями-«оборонниками» безграмотных, но идеологически выдержанных произведений о Японии. Беспрецедентная попытка вмешательства страноведа в литературную политику советского государства, пусть на одном узком ее направлении, началась с публикации в апреле 1934 года в газете «Вечерняя Москва» рецензии на книгу Л. В. Рубинштейна «Тропа самураев». В ней Ким подробно разобрал многие обнаруженные ошибки и призвал к недопустимости появления подобных произведений. Основанием для столь резкой реакции Ким считал несовпадение уровней знания японцев о России и советских людей о Японии. С его точки зрения, японцы изучали Советский Союз всерьез и с далеко идущими агрессивными намерениями. Появление литературы, подобной «Тропе самураев», являлось типичным примером опасного «шапкозакидательства», неизбежно ведущего к недооценке потенциального противника и, как следствие, к серьезным проблемам в случае реального военного столкновения СССР и Японии. В августе того же года Ким выступил с серией материалов в журнале «Залп», где подверг критике непрофессиональный подход к литературе о современной Японии. В журнале «Знамя» Киму ответил «литературный арбитр» страны — В. Б. Шкловский, однозначно определивший Рубинштейна как писателя, умеющего правильно «подать» Японию с идеологической точки зрения, а Кима — безусловно лучше знающего Японию, но благодаря этому опасно близкого к ней. Шкловский призвал отречься последнего от «иероглифической культуры» и писать книги в соответствии с требованиями времени. Таким образом, в одном из первых противостояний специалистов, представленных японоведом Р. Н. Кимом, и литераторов-дилетантов в лице Л. В. Рубинштейна, победу одержало течение агрессивных непрофессионалов.

Ключевые слова: Р. Н. Ким, Л. В. Рубинштейн, В. Б. Шкловский, самураи, Япония, журнал «Залп», журнал «Знамя», идеологическое противостояние, оборонные писатели, бусидо.

Для цитирования: Куланов А. Е. «...С точки зрения япониста и только». Р. Н. Ким о Японии в советской литературе: конфликтный опыт освоения текущего идеологического процесса // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2025. № 4 (89). С. 46–56. DOI: 10.37724/RSU.2025.89.4.005.

Original article

“...Just as an expert in Japan.” R. N. Kim about Japan in Soviet Literature: painful comprehension in the ideological process

Aleksandr Evgenievich Kulanov
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Kodzin@mail.ru

© Куланов А. Е., 2025

Abstract. In 1934, Soviet newspapers and magazines held a discussion on the Far Eastern theme, caused by the growing tensions on the border of the USSR and the creation of the pro-Japanese puppet state of Manchukuo. It is important to note that the discussion was launched by the Japanologist, writer, literary critic and counterintelligence officer Roman Nikolaevich Kim. As a professional Japanologist, Kim was the first in the history of Soviet literature to harshly criticize the emerging approach to the creation of illiterate but ideologically sound works about Japan by so-called *oboronnik* (defense) writers. This unprecedented attempt by a regional studies specialist to interfere in the literary policy of the Soviet state, albeit in one narrow direction, began with the publication in April 1934 in the newspaper *Vechernya Moskva* of a review of L. V. Rubinstein's book *Path of the Samurai*. In the articles, Kim analyzed in detail many of the errors discovered and called for the inadmissibility of the appearance of such works. Kim believed that the basis for such a sharp reaction was the discrepancy between the levels of knowledge of the Japanese about Russia and that of Soviet people related to Japan. In his opinion, the Japanese studied the Soviet Union seriously and with far-reaching aggressive intentions. The appearance of books like *Path of the Samurai* was a typical example of dangerous self-righteousness, inevitably underestimating the potential enemy and, as a consequence, leading to serious problems in the event of a real military clash between the USSR and Japan. In August of the same year, Kim published a series of articles in the journal *Zalp*, where he criticized the amateur approach to literature about modern Japan. In the journal *Znanya*, Kim received a response from the recognized literary arbiter V. B. Shklovsky, who clearly defined Rubinstein as a writer who knew how to correctly “present” Japan from the Soviet ideological stand, but Kim undoubtedly knew Japan better, as he was “dangerously too close” to it. Shklovsky advised R. Kim to renounce his “hieroglyphic culture” and write in accordance with the demands of the time. Thus, in one of the first confrontations between specialists, represented by the Japanologist R. N. Kim, and literary amateurs such as L. V. Rubinstein, the aggressive non-professionals won the debate.

Keywords: R. N. Kim, L. V. Rubinstein, V. B. Shklovsky, samurai, Japan, journal *Zalp*, journal *Znanya*, ideological confrontation, ‘defense’ writers, bushido.

For citation: Kulanov A. E. “...Just as an expert in Japan.” R. N. Kim about Japan in Soviet Literature: painful comprehension in the ideological process. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 2025; 4 (89):46–56. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2025.89.4.005.

«Трона самураев»

1 марта 1932 года на захваченной японской Квантунской армией территории северо-восточного Китая было провозглашено марионеточное, полностью зависимое от Токио, государство Маньчжоу-Го. С выходом таким образом японской армии на советские границы обострилось идеологическое противостояние между СССР и Японией. Одним из первых его проявлений стало усиление внимания советской печати к дальневосточной теме. В 1933 году, еще находясь в Италии, но готовясь к возвращению на родину, А. М. Горький обсуждал с видным московским критиком Л. Л. Авербахом вопросы публикации произведений о Дальнем Востоке в альманахе «Год XVI» (Горький и его корреспонденты. Вып. 7. М. : ИМЛИ РАН, 2005. С. 97. (М. Горький. Материалы и исследования)). В переписке вскользь упоминалась книга профессора Московского института востоковедения Романа Николаевича Кима под названием «Три дома напротив, соседних два». Работа была опубликована ранее в том же альманахе и содержала анализ японской литературы конца XIX — начала XX века. Авербах охарактеризовал книгу Кима как «бесспорную», но в ответном письме Горький сосредоточил внимание на произведениях П. Л. Далецкого¹, хотя и указывал, что его рукописи нуждаются в доработках.

Развивая идею Л. Л. Авербаха, Алексей Максимович, вернувшийся в Москву и вплотную занимавшийся подготовкой к Первому всесоюзному съезду советских писателей, намеченному на август — сентябрь того же года, 9 марта 1934 года предложил И. В. Сталину своеобразный литературный «разворот на Восток». В записке вождю Горький писал: «...Было бы очень полезно выпустить к первому августа книгу на тему “Проблема Тихого океана”, пригласив к участию в работе по этой книге революционных литераторов Японии, Англии, Франции, Китая, С.Ш.С.А., представителей наркоминдела, “Красной армии”, а редактором Радека. Включить в коллектив работников по этой книге наших литераторов, которые или и работали на Дальн<ем>

¹ Далецкий Павел Леонидович (1898–1963) — советский писатель и поэт. Жил на Дальнем Востоке. В 1925 году окончил университет во Владивостоке. Из-за литературных разногласий с коллегами был вынужден уехать в Ленинград, но всю жизнь продолжал писать о Дальнем Востоке.

Востоке, в Китае и Японии, я имею в виду: Далецкого, автора книги “Концессия”, Льва Рубинштейна, автора “Тропы Самураев”, корейца Кима, т.т. О. Танина² и Е. Иогана³, авторов “Военно-фашистского движения в Японии” и др. Книга должна дать массовому читателю точное и ясное представление, почему и за что будут грызть и рвать друг друга псы империализма, а также — и главным образом: — о Советском Китае, об Японской армии, корейском пролетариате и т. д. ...» (РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 11. Д. 720. Док. 3. Л. 1).

Реакция генсека на предложение классика пролетарской литературы неизвестна, но по каким-то причинам маневр не состоялся. Однако, судя по меткам на письме, Сталин внимательно изучил предложение Горького. При этом он не обратил внимания на фамилии Далецкого и Рубинштейна, обвел красным карандашом слова «корейца Кима» и на полях напротив них и фамилий Иогана и Танина поставил знаки вопроса. Вряд ли эти пометы могут означать, что вождь с указанными авторами не был знаком. Во всяком случае, книга «Военно-фашистское движение» сохранилась в личном архиве Сталина с его замечаниями к ней. Выпущенная в Хабаровске в 1933 году. Разведывательным управлением РККА «для служебного пользования», книга была прочитана генсеком и немедленно переиздана по его требованию «открыто и для всех немедленно» с предисловием и «некоторыми исправлениями» [Адибеков, Вада, Георгиев [и др.], 2001, с. 17–18]. Иоган и Танин выступили в этой работе с идеологически выдержанных позиций советских востоковедов, для своего времени весьма неплохо владеющих заявленной темой и, вероятно, это и привлекло внимание советского лидера. К большому сожалению, нам неизвестна как причина, по которой он обвел упоминание о Киме, так и степень знакомства Сталина с работами этого автора. Однако по аналогии с реакцией на книгу Иогана и Танина логично предположить, что Роман Николаевич был известен советскому лидеру именно как востоковед, а знак вопроса мог означать то же, что и в случае с предыдущими авторами — например, сомнения относительно того, что сотрудника спецслужб стоило публиковать как «настоящего» писателя.

По состоянию на начало марта 1934 года, когда Горький отправил письмо Сталину, Р. Н. Ким являлся оперативным уполномоченным 4-го (в тот период — восточного) отделения Особого отдела ОГПУ СССР. Родившийся в 1898 году во Владивостоке этнический кореец Ким Гирён в 1906 году отправился в Токио, где освоил японский язык на уровне родного, принял японское гражданство и имя, став Сугиура Киндзи. Лишь перед революцией он вернулся на родину, где в качестве Романа Николаевича Кима окончил Дальневосточный университет, получил предложение остаться в нем же профессором, но отказался, уже связанный к тому времени секретной работой на Приморское ГПУ, в котором занимался контрразведкой против Японии. Мечтавший во время учебы в Токио о славе знаменитого японского писателя, к середине 1930-х годов Роман Ким стал не только крупным специалистом по противодействию японской разведке, получил высокие государственные и ведомственные награды, но и первым в истории перевел на русский язык три новеллы Акутагава Рюносукэ, написал две книги о Японии и японской литературе, несколько больших статей, преподавал в Военной академии имени М. В. Фрунзе и Московском институте востоковедения. Как японовед-практик, переводчик и начинающий литератор, в силу своего происхождения, образования и рода деятельности, Ким не мог остаться в стороне от обсуждения книги другого автора, попавшего в сталинский список — «Тропы самураев» Льва Рубинштейна.

Лев Владимирович (Вольфович) Рубинштейн родился в 1905 году в Минске. В 1928 году он окончил исторический факультет Московского государственного университета, где в качестве профильного направления изучал историю Дальнего Востока. Затем Рубинштейн переехал в Ленинград, где некоторое время проработал в структуре местного отделения Академии наук СССР. Однако уже очень скоро, в 1930 году, он был «вычищен» с работы по неизвестной причине и призван в ряды РККА. По некоторым данным Лев Владимирович проходил службу в штабе Отдельной Дальневосточной армии [Черная, 1997, с. 372]. Очевидно, там, на границе

² Танин Оскар, он же — Оскар Сергеевич Тарханов, Оскар Эрдберг, Оскар Таубе, Карио, Ян Чжу-Лай (настоящее имя — Сергей Петрович Разумов; 1901–1938) — революционер, советский государственный деятель молодежного комсомольского и пионерского движений в СССР, дипломат, разведчик.

³ Иоган Е., он же — Евгений Сигизмундович Иолк, Иогансон, Иота, Е. Барсуков (настоящее имя — Исаак Зеликович Иолк; 1900–1937) — советский востоковед, разведчик, автор научных и публицистических работ.

с Китаем и Маньчжурией он захотел писать на дальневосточную тему. Его желание удачно совпало с набиравшим силу трендом идеологического противостояния Советского Союза захватнической политике Токио в Маньчжурии, и молодой литератор оказался весьма востребован.

Действие книги Н. В. Рубинштейна разворачивается в одной из воинских частей Квантунской армии, воюющей в Китае, где «патриоты-подпольщики», естественно происходящие из японских пролетариев, пытаются противостоять своим офицерам, представляющим японскую буржуазию, и таким образом помочь народу Китая в его освободительной борьбе против них же самих. Никаким страноведческим опытом Рубинштейн при этом не обладал, японского языка не знал и представления о стане противника и нравах в нем черпал из публикаций столь же «компетентных» авторов.

Крайне низкий уровень общего восприятия Японии и очевидная недостаточность знаний о ней в Советском Союзе позволили книге Л. В. Рубинштейна, опубликованной в начале 1934 года в первом номере журнала «Знамя», а затем отдельным изданием и дополнительно переданной для републикации в «Роман-газете», сразу стать популярной и собрать хорошую критику. Однако всего через полтора месяца после письма Горького Сталину Р. Н. Ким выступил с разгромной рецензией на «Тропу самураев», прежде всего, не с идеологических, литературных или каких-либо иных позиций, а с точки зрения японоведа-практика, осмысляющего произведение применительно и к фундаментальному знанию страны без временной дистанции, и к презентации ее самой и ее институтов (в данном случае — японской Императорской армии) советским читателям.

Рецензия под названием «Самураи под клюквой» появилась 26 апреля в газете «Вечерняя Москва» за подписью Р. Н. Кима. В ее начале Роман Николаевич констатировал, что советские «критики сошлись на том, что роман актуален и убедительно показывает дух неблагополучия, классовое расслоение в японской армии. Это, конечно, бесспорно» [Ким, 1934б, с. 14]. Выделив основную часть фразы, автор рецензии, очевидно, надеялся таким образом обезопасить себя от упреков в непонимании якобы существующего кризиса в вооруженных силах противника. Однако, как японоведа, Ким не мог сдержаться и, противореча сам себе, сразу же выступил против тех, кто одобрил роман: «Часть критиков пошла дальше по тропе похвал и наградила роман эпитетами в превосходной степени: “роман проникает в сокровенную сущность японской армии”, “сослужит большую службу нашему командиру при изучении японской армии” <...> книга, “буквально открывающая армию вероятного противника”, “ценная военно-политическими познавательными элементами”». Такие характеристики, по мнению Кима, давали право и ему высказать собственное мнение, в этой части основанное исключительно на взгляде востоковеда: “...когда роман признается произведением, открывающим японскую армию”, и рекомендуется в качестве учебного пособия для командиров, когда взыскательный Шкловский подтверждает ценность фактического материала, содержащегося в романе, мы вправе более внимательно — в порядке экспертизы — рассмотреть “познавательные элементы” произведения, автор которого, согласно аттестации Вишневского, является “востоковедом, историком”» [Ким, 1934б, с. 14].

Необходимо пояснить апелляцию Кима к двум названным им критикам. Всеволод Витальевич Вишневский (1900–1951), бывший военный моряк, писатель, журналист, литературный критик, был участником Первой мировой и Гражданской войн. В 1933 году вышла принесшая ему всесоюзную славу пьеса «Оптимистическая трагедия». Но, разумеется, специалистом ни по Дальнему Востоку вообще, ни по японской армии он не являлся. Поэтому его обозначение Рубинштейна как востоковеда и историка выглядело не просто необоснованным, а нарушающим все законы логики и приличий.

Виктор Борисович Шкловский (1893–1984) — писатель, литературовед, критик и киновед, сценарист, на рубеже 1920–1930-х годов являлся одной из самых влиятельных фигур в советской литературе и публицистике. Как и Вишневский, он участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах, но, в отличие от первого, его репутация не была безупречной. Шкловский арестовывался ВЧК как эсер и одно время даже скрывался от советских властей. Автор ушедшего в народ выражения «по гамбургскому счету», то есть сражаться, бороться бескомпромиссно, по-честному, все-речь, сам он тщательно взвешивал каждое свое слово, чтобы не вызвать подозрений в свой адрес или хотя бы воспоминаний о его противоречивом прошлом. Возможно, именно осмотрительный подход к делу вместе с высоким литературным профессионализмом стали причиной того, что Шкловский, с одной стороны, высоко оценил идеологический потенциал «Тропы самураев» на фоне текущего момента противостояния СССР и Японии, а с другой — ясно видел ее недостатки.

Он раскритиковал журнальный вариант, опубликованный первым, и, видимо, объяснил причину недовольства самому Рубинштейну, с которым, как мы убедимся позже, поддерживал неформальные отношения. Лев Владимирович отнесся к критике с пониманием и в предисловии уже к книжному изданию особо поблагодарил Шкловского, а также выразил признательность за помощь «гг. Вишневному, Никонову и Радеку» [Рубинштейн, 1934, с. 4]. Виктор Борисович уже с чистым сердцем приветствовал исправленный вариант, но говорить о том, что он, как и Вишневский, мог бы оценить внесенную правку как востоковед, конечно, не приходится.

Тот факт, что Л. В. Рубинштейна волновало несоответствие его фантазий дальневосточным реалиям, становится ясным из предисловия к книжному изданию. Он упомянул о том, что в исправлении «бытовых» ошибок ему помогали некие неназванные японисты. Точнее одного из них он называет: «г. Асик». Сегодня известно, что под этим псевдонимом предпочел укрыться сотрудник Разведупра Михаил Кириллович Покладок (1895–1938). Обладавший сходной с Вишневым и Шкловским биографией, Покладок, в отличие от них, после Гражданской войны остался в армии, окончил восточный факультет Военной академии, где учил японский язык, а с декабря 1929 года служил в Разведупре РККА. Во время развернувшегося конфликта между Кимом, Рубинштейном и Шкловским Покладок находился в Японии, куда отправился в январе 1934 года по программе обмена офицерами, а следовательно, и его представления об этой стране тогда — до начала командировки, могли носить еще только сугубо теоретический характер.

М. К. Покладок мог рассказать Л. В. Рубинштейну о каких-то деталях быта японцев и японской армии, с которыми и сам был знаком тогда еще только в теории. Он мог поведать о тех японских легендах, которые Лев Владимирович, по-своему переиначив, поместил как вариант народных преданий в «Тропу самураев». Однако принципиального влияния на качества книги это не оказало хотя бы потому, что Покладок не занимался (и не мог заниматься в силу своего положения и способностей) выправлением абсолютно клишированного, не имеющего никакой связи с реальностью, советского сюжета. Рубинштейн был далек не только от понимания, но даже и от представления о настоящей Японии точно так же, как и его критики, с разными степенями искренности верящие в то, что «раскрытие» Японии может исчерпываться наличием в тексте большого количества классово выдержанных лозунгов и привычных оборотов наподобие мифических «японских мужиков».

Р. Н. Ким же отнесся к творению Л. В. Рубинштейна бескомпромиссно. Его замечания к тексту резки, язвительны, но справедливы. Он видел, что книга представляет собой грубую подделку на тему восточной экзотики, и открыто издевался над автором, особенно когда речь заходила о японских реалиях. Приведем в качестве примера один из его пассажей: «Переходим к японцам. <...> ...рядовой Кавамура получает от отца письмо с фразой: “Пусть это послание будет знаком долголетия и вечного счастья для детей страны тысячи осеней (?) и долгих пяти-сот (?) осеней (?)”. Автор злоупотребляет экзотикой. Нормальным японцам эти выражения неизвестны. Откуда это? Может быть из письмовника пациентов психиатрического санатория в Сугамо⁴» [Ким, 1934б, с. 14].

Р. Н. Ким приводит набор цитат из «Тропы самураев» со своими комментариями, характеризующими содержание книги как «развесистую мистерию», но важно заметить, что подобные фрагменты Л. В. Рубинштейна вызвали у Кима не только злую иронию, но и желание дать ценные пояснения относительно реальной картины японской Императорской армии. С точки зрения японоведа, творение Рубинштейна выглядит как, мягко говоря, нелепая фантазия, которую, может быть, и не стоило бы обсуждать, если бы проблема заключалась не только в том, что «Тропа самураев» представляла собой набор банальных мифов о Японии, японцах и японской армии, а в том, что мифы эти были опасные. Кима, как японоведа-чекиста, это волновало вдвойне. Он знал, что уровень как профессиональной, так и общеобразовательной подготовки в японской армии выше, чем в РККА, и поэтому не ограничивался в комментариях, стараясь сделать их не только констатирующими суть ошибок Рубинштейна, представляющего японских офицеров и солдат малограмотными крестьянами, но и указывающими на опасность такого рода ошибок. Ким пояснял: «...политвоспитание в японской армии, несмотря на всю упрощенно-шовинистическую тенденциозность и циничность, носит более солидный характер, чем это

⁴ Район в Токио.

представляет себе автор. Япония — страна обязательного обучения в начальных школах. Солдаты, поступающие в армию, имеют общее представление о географии мира, читают газеты и журналы. Офицеры — тем паче...» [Ким, 1934б, с. 14].

Вывод Р. Н. Кима очевиден, как и то, ради чего он сделан. Это резюме необходимо экстраполировать на советские армейские реалии: в Японии высокий уровень образования в целом, религия не занимает того места в японской армии, которое ей приписывается Рубинштейном, а следовательно, нет смысла с ней бороться (как тот призывает), тем более, что это и невозможно. Система же политвоспитания, рассчитанная как раз на солдат со среднеяпонским образованием и проводимая «жрецами» с университетским практически образованием, работает отлично. По мысли Кима, советские командиры должны бы об этом задуматься, сравнивая японскую ситуацию и советскую действительность.

Разумеется, Р. Н. Ким не мог пройти мимо и многочисленных страноведческих ляпов («клюкв») Рубинштейна. Для того чтобы понять, насколько низок был уровень этой книги, стоит привести некоторые из них с комментариями Кима: «...солдаты на переключке вместо “есть” отвечают: “В лучшем мире!”. На японском военном языке такого выражения нет. Очевидно, автор взял эту сцену из какого-то токийского ревю, где происходит переключка герлс. Автор заставляет своих солдат вести себя в присутствии полковника явно ненормально. Они отвечают ему: “Нижайше (?) чувствую, доно (!)”. Частица “доно” никогда не употребляется отдельно, а всегда приставляется к названию офицерского чина. Отдельно “доно” также странно звучит, как, скажем “родие” от слов “ваше благородие”.

<...> На вопрос, “кем является император”, солдат отвечает: “брат солнца” (!??). “Тэнно” по-японски значит “потомок неба”. Японский император никогда не именуется “братом солнца”, так же как президента Франции никогда не зовут “кузеном луны”.

<...> автор сообщает: “Особенностью японской казармы является, пожалуй, огромное количество лакированных ящиков, висящих над койками. Фундамент казармы, как в вагоне, — наверху, над изголовьем”. *Особенностью рубинштейновского романа является, пожалуй, огромное количество веток клюквы, висящих над страницами* (курсив наш. — А. К.).

<...> автор вдохновенно изображает, как в провинциальный офицерский клуб приезжает дочь полковника, как офицеры “выстроились в ряд возле двери” и “отвечали на крепкие, мужские пожатия дочери полковника”. Даже Мюнхгаузену не могли бы присниться такие японские полковничьи мисс и такие галантные самураи. Когда роман переведут на японский язык, эта страница доставит японцам несколько веселых минут» [Ким, 1934а, с. 14].

Наконец, сам Р. Н. Ким замечает: «...Список клюкв, которыми украшена “Тропа самураев”, может быть продолжен, но это — скучное занятие. Это может быть интересно только для редактора книги Рубинштейна. Ограничусь замечанием о том, что автору нужно воздержаться от филологических экскурсов, не проявлять самурайской храбрости. <...> ...Что это за “бусидо — сборник правил поведения самураев”? Когда и в каком издательстве японского средневековья он вышел?» [Ким, 1934б, с. 14]. Нельзя не отметить в связи с этим, что последняя фраза за более чем 90 лет, прошедших с выхода рецензии, так и не утратила, к сожалению, своей актуальности. По сей день в России, как, очевидно, и во многих других странах, издаются книги под названием «Кодекс бусидо» или очень близких ему по смыслу. Как справедливо замечал Р. Н. Ким, никакого «сборника правил поведения самураев» под названием «бусидо», или «кодекса бусидо», в Японии никогда не существовало и, как в его время, так и сейчас, под такими же или подобными обложками продаются переводы разрозненных трактатов, имеющих порой не самое прямое отношение к этике в общем и этике самураев в частности.

Еще на стадии подготовки рецензии к печати стало ясно, что хвалебные отзывы на «Тропу самураев» со стороны идеологически подкованных рецензентов важнее, чем разбор книги о Японии японоведом. Выделив жирным шрифтом последнее слово, «Вечерняя Москва» к заметке Кима прикрепила свой комментарий: «ОТ РЕДАКЦИИ: Предоставляя место статье т. Кима, редакция считает, что отмеченные критиком недочеты романа Л. Рубинштейна не очеркивают основной ценности этого произведения, которую и т. Ким считает бесспорной» [Ким, 1934б, с. 14]. Отношение «т. Кима» к этому постскриптому, к сожалению, нам не известно. Однако реакция на саму рецензию со стороны представителей лагеря Рубинштейна опубликована и имеет важное значение для понимания конфликтной природы взаимоотношений востоковедения и системной советской литературы.

Тройной залп

Сначала в августовском номере «оборонного» журнала «Залп», почти полностью посвященного дальневосточной теме⁵, была опубликована статья «Военно-шовинистическая пропаганда в японской литературе и задачи советских оборонных писателей», принадлежащая перу Р. Кима [Ким, 1934а, с. 25]. Он уже около десяти лет разрабатывал тему противостояния японской (а затем и не только) пропаганде через литературу и публицистику, и середина 1930-х годов стала для Кима временем наиболее активной деятельности на этом поле. Однако даже в будущем, после окончания войны, когда Роман Николаевич посвятит себя беллетристике и станет одним из мэтров советского приключенческого жанра, он от нее не откажется, а лишь масштабирует ее, сделав максимально глобальной. В целом материал, опубликованный в указанном номере, не может не вызывать недоумения. Его начало — фактическое продолжение рецензии в «Вечерней Москве», теперь уже безымянной и обобщенной. Ким явно обращался к своим оппонентам, занявшим сторону Рубинштейна и, очевидно, ему известным поименно, конкретизировал свое понимание проблемы и снова вынужденно переходил к защите от тех, кто, вероятно, упрекал его в трудности темы из-за географической удаленности региона: «Можно выдвинуть очень строгие требования, прежде всего — нужен верный прицел, т. е. правильное понимание дальневосточной проблемы в свете ленинско-сталинского учения о войне и империализме. Но верный прицел только тогда будет эффективен, если вещь будет основана на добросовестном фактическом материале. Нельзя амнистировать оборонников, пишущих на дальневосточную тему только за то, что в их вещах верный прицел... Нужно потребовать категорически — вещь должна быть основана на хорошо подобранном и проверенном фактическом материале, т. е. сам материал должен иметь большое познавательное значение. Между прочим, для того, чтобы писать о Японии или Китае, вовсе не нужно ездить на Дальний Восток, а достаточно изучить имеющийся материал, хотя его и не так много» [Ким, 1934б, с. 26].

Роман Николаевич опять возвращался к вопросу значительно более высокого, по сравнению с советским, уровня знания потенциального противника японским офицерством и снова требовал от коллег «толкнуть в гущу советских читателей все нужные ориентировочные сведения о Дальнем Востоке». Затем, однако, после очередного педалирования преуспеяния японцев в изучении Советского Союза и русского языка, следовал пассаж, никак не показывавший в Киме опытного японоведа. Военного министра генерала Араки Садао Роман Николаевич внезапно охарактеризовал как недостаточно серьезную фигуру с преувеличенным авторитетом и противопоставил ему «философа и литератора» Такасу Сюдзи⁶ — третьеразрядного японского журналиста и пропагандиста, политический и общественный вес которого в реальности не мог быть даже сравним с позицией военного министра. Поводом для такого выпада Кима послужило то, что Такасу «выпустил в феврале 1931 г. ... книгу “Япония завоеует весь мир”. В этой книге вопрос ставится не о завоевании Восточной Азии; здесь в самой определенной форме идет речь о завоевании всего мира...» [Ким, 1934б, с. 27]. В поддержании версии о стремлении японцев к «мировому господству» Ким упомянул уже совершенно маргинальную фигуру: Кимура Ётаро (1870–1931) — скандально известного автора, с 1911 года работавшего в жанре «альтернативной истории». Кимура «доказывает в своих трудах, что японские предки владели всем миром, что фараон Микерин был японцем и т. д.» — это правда, но к середине 1934 года существовало уже значительное количество более авторитетных книг, статей и даже документов, из которых не только японистам становилась понятна милитаристская сущность Японии того периода. Обращение к никому не известной и изначально скандальной работе выглядело странно и недостойно профессионала.

После этого можно было бы ожидать разворачивания тезиса в заявленную в названии статьи тему, но этого не произошло. Ким занялся классифицированием японской военной беллетристики по четырем категориям: «Первая категория — это авантюрно-приключенческие журналы, где не говорится о войнах, а говорится главным образом о похождениях доблестных японских юношей, которые открывают новые острова или новые земли, водружают там японские флаги... <...>

⁵ Предварительно в июне 1934 года состоялось Всесоюзное совещание писателей по вопросам оборонной литературы, где в частности обсуждались доклады П. А. Павленко и А. М. Лейтеса «Художественная литература о Дальнем Востоке».

⁶ Такасу Байкэй, с 1919 года писал под псевдонимом Такасу Ёсидзиро (1880–1948) — японский литературный критик и журналист крайне правых взглядов.

Вторая категория — это так называемая самурайская литература... Эта литература посвящена описанию всевозможных походов самураев прошлых столетий <...>.

Третья категория — это “фантастическая” литература, посвященная будущим войнам с СССР, Англией, Америкой, Китаем и др. ...

Четвертая категория — очень многочисленная; это литература о прошлых войнах, о генералах — героях этих войн. Эта биографическая литература очень распространена и представляет наиболее серьезный и солидный жанр из военно-исторической литературы вообще.

Может быть выделена особо — как узко-специальный жанр — ...шпионская литература» [Ким, 1934а, с. 26].

По непонятной причине до конца статьи Р. Н. Ким так и не приступил к рассказу о военно-шовинистической пропаганде в японской литературе и о задачах советских оборонных писателей, что не может не удивлять. Впрочем, не исключено, что он изначально готовил значительно больший по объему материал, который затем редакцией был разбит на несколько частей. На это предположение наводит наличие в том же номере еще нескольких статей о Японии, подписанных достаточно безлико, чтобы можно было заподозрить их авторов или автора в использовании псевдонимов. Так выглядит, например, рецензия на только что переведенный на русский язык роман Фукунага Киосукэ «Записки о будущей японо-американской войне», подписанная «Б. Васильев» (переводчик до сих пор остается неизвестным) и называющаяся «Барабанщик японской военщины» [Васильев, 1934, с. 33]. По своему содержанию она гораздо больше подходит заявленной Кимом теме, и автор рецензии, кем бы он ни был, говорит: «Эта книга — скорее публицистика, пропаганда шовинизма и войны. Главную роль в этой пропаганде играют не художественные образы... а стремление доказать необходимость дальнейшего вооружения Японии и внушить мысль о национальном единстве патриотических граждан» [Васильев, 1934, с. 33]. Тревожные настроения, столь характерные для Р. Н. Кима, Б. Васильев разделяет полностью и примерно в тех же формулировках: «Предоставим японской военщине утешать себя какими угодно соображениями о божественной природе японского офицерства, о “непобедимости” японского “духа”, но отметим, что в любой статье, в любой книге, а таких произведений выпускается в Японии все больше и больше, заложена единая идея — подготовить общественное мнение к необходимости завоевательной политики японского империализма. Будем поэтому зорко следить и оценивать всю литературу, пропагандирующую войну» [Васильев, 1934, с. 33].

Ту же тему логичным образом продолжает опубликованная на следующей, 34-й, странице рецензия «Б. Ильева» на книгу Наоси Токунага «Борьба токийских пролетариев» под названием «Токио — город безработных» (Перевод с японского и предисловие Н. И. Фельдман. ГИХЛ. Л., 1934) и, как следствие, «...роман Токунага нужно особенно рекомендовать красноармейским читателям» [Ильев, 1934, с. 34].

Подборка статей на японскую тему оказалась составлена таким образом, что материал Кима является как бы вводным (хотя бы по названию), рецензия Б. Васильева развивает заданную им проблематику, а Б. Ильева напоминает еще об одном аспекте идеологического противостояния — о подготовке к войне общественного мнения за пределами вооруженных сил: «Наша оборонная литература и наш советский читатель, своевременно реагируя на появление произведений, рисующих пропаганду войны за рубежом, в частности в Японии, тем более не могут пройти мимо произведений, рисующих тыл тех стран, где громче всего бряцают оружием» [Ильев, 1934, с. 34]. Только в подобном виде — тройного педалирования в «Залпе» № 8 темы Японии, явно больше готовой идеологически, в области обработки общественного сознания, к войне с Советским Союзом, чем в Советский Союз — к войне с Японией, первый материал получает более осмысленное звучание. Такая композиция наводит на мысль, что к остальным рецензиям и, возможно, переводам Р. Н. Ким имел самое непосредственное отношение. К тому же в номере имеются и другие статьи о Японии, а также безымянные краткие анонсы книги Рубинштейна («Автор не совсем справился со своей задачей, допустив недооценку врага (курсив наш. — А. К.) и перевода книги некоего С. Хирата «Как мы будем воевать» (ни автор, ни переводчик нами пока не установлен): «Книга показывает советскому читателю, какая ведется в Японии обработка общественного мнения для подготовки нападения на Советский Союз» [Ильев, 1934, с. 34].

В стандартном стиле соединения похвалы с идеологической точки зрения и указания на «некоторые недостатки» книга Л. В. Рубинштейна упоминается в статье «Тревога»: «...роман

страдает недооценкой сил японской военщины, отсутствием показа организованной революционной работы, рядом ошибок языкового и этнографического характера» [М-в, 1934, с. 34]. Последняя фраза выглядит уже упреком в идеологической незрелости и романа, и его автора.

Очевидно, что В. Б. Шкловский каким-то образом успел прочитать августовский номер журнала «Залп» до того, как был набран сентябрьский выпуск журнала «Знамя». Виктор Борисович открыто принял участие в конфликте между Кимом и Рубинштейном: де-факто — между профессионалами и дилетантами. Сразу после окончания Первого съезда советских писателей Шкловский выступил с большой нравоучительной статьей в «Знамени» под названием «Что мы знаем о Японии»: «Мне давно хочется вмешаться в спор между Кимом и Львом Рубинштейном по поводу “Тропы самураев”» [Шкловский, 1934, с. 250]. Опытный критик, изначально занявший сторону своего протезе Рубинштейна, сразу обращал внимание читателей на то, что Ким, хоть и талантлив, но «не умеет делать подробности ключом к познанию целого» [Шкловский, 1934, с. 250]. Шкловский подчеркнул иностранное происхождение Романа Николаевича, напомнив о том, что в 1927 году в ленинградском издательстве «Прибой» вышла книга вернувшегося из путешествия по Японии Бориса Андреевича Пильняка «Корни японского солнца» в необычной компоновке. На обложке были указаны два автора Б. А. Пильняк и Р. Н. Ким, и комментарии — глоссы второго, равные по объему примерно трети книги Пильняка, имели свое название: «Ноги к змее». Глоссы достойны отдельного разбора, но в нашей работе имеет смысл упомянуть хотя бы о том, что в них Ким позиционировал себя не как советский японовед, а в первую очередь как корейский патриот, не имеющий сил простить японцам оккупацию родины своих предков. Шкловский сразу обратил на это неосовечивание внимание: «Ким имеет свою эру. Он ведет отсчет от первого года “Корейской диаспоры”, то есть, корейского рассеяния по земле, — корейского изгнания из родины...» [Шкловский, 1934, с. 252].

Известна оказалась Виктору Борисовичу и вышедшая в 1934 году книга Кима «Три дома напротив, соседних два» [Ким, 1934в], где Роман Николаевич выполнил сложный и весьма подробный анализ современной японской литературы, на который не отважился никто ни до, ни после — книга остается актуальной и уникальной по сей день. Шкловского встревожило столь глубокое знание темы автором: «Ким должен оторваться от той культуры, которая его создала. Это ему трудно. Нужно перерасти иероглифы» [Шкловский, 1934, с. 254]. По мнению Виктора Борисовича, причина якобы имеющейся слабости Кима, критикующего японских «буржуазных» писателей, заключалась в неотработанной «системе вскрытия» причинно-следственных связей в произведениях советского автора-критика: «У вас непонятно, почему эти книги [японских авторов] читаются» [Шкловский, 1934, с. 254]. Резюмируя свои впечатления от «Тропы самураев» и обобщая идеи Р. Н. Кима относительно «рабочих» и «военных» японских писателей, он резюмировал: «Другие литературы — рассказы пролетарских писателей и японская массовая шовинистическая литература — даны без второстепенных показателей, и ваша книга не вскрывает сегодняшней Японии» [Шкловский, 1934, с. 254].

Хорошо разбирающийся в человеческой, в том числе писательской, психологии, опытный и хитрый критик, сам себя назвавший однажды «соболем», В. Б. Шкловский смягчил критику в отношении Романа Николаевича, по иронии судьбы носившего в ОГПУ оперативный псевдоним «Мартэн», что в переводе с английского означает «куница»: «Ким талантливый, большой человек, мы с него можем спрашивать не повесть, он не беллетрист старой школы, мы можем спрашивать с него книгу... такую книгу, в которой, работая собственным методом, передавая конкретные знания о сегодняшней Японии в мелочах и подробностях, в таких подробностях, которые знает Ким, о том, какие часы на руке носили продавцы рыбы в 1920, скажем, году, в этих подробностях мы узнали бы о настоящем духе народа, чтобы классовая борьба в Японии стала для нас реальной... чтобы, рассказывая о ней, Ким не переходил бы на схему» [Шкловский, 1934, с. 255].

Таким образом Виктор Борисович официально признавал профессиональное знание Кимом Японии, но подчеркивал, что оно должно обрасти идеологическими, пропагандистскими навыками и умением писать об известном автору так, чтобы это нравилось читателю, даже если обернется в ущерб объективному знанию. Подытоживая свои нравоучения, Шкловский сделал вывод, подобный постскриптому «Вечерней Москвы» к рецензии Кима, ясно показывая, кто знает Японию, а кто умеет писать о ней так, как требует текущий момент: «Пусть новая задача поможет Киму вырасти так, как помогло Льву Рубинштейну вырасти в писателя звание красноармейца» [Шкловский, 1934, с. 255].

В. Б. Шкловский не увидел или сделал вид, что не увидел, главного. Р. Н. Ким хотел, чтобы советские читатели нашли в литературе о Японии, японской армии объективное отражение реального и весьма опасного противника, и высказал свое мнение в рецензии «Клюква для самураев»: «ОТ КНИГИ, посвященной такой ответственной теме, как японская армия, от книги, которую ряд критиков уже рекомендовал в качестве учебного пособия и объявил крупным событием в нашей литературе, мы вправе требовать доброкачественности фактического материала. Рубинштейн опубликовал свой роман не в качестве памфлета, изображающего вымышленную страну, не в качестве фантастической поэмы в прозе, а как произведение, претендующее на правдивое изображение японской армии. Принцип си нон э веро⁷ ... здесь недопустим» [Ким, 1934б, с. 14].

Не исключено, что в процесс подготовки Б. В. Шкловским ответа Р. Н. Киму прямо или косвенно вмешивался сам Л. В. Рубинштейн. На эту мысль наводит имеющееся в нашем распоряжении редкое издание — книга Пильняка и Кима «Корни японского солнца. Ноги к змее», принадлежавшее Льву Рубинштейну. С 1982 года книга хранится в личном собрании японоведа и литературоведа профессора В. Э. Молодякова и ранее не была доступна для исследователей. Благодаря помощи нынешнего владельца мы можем проанализировать пометы на книге сделанные предыдущим владельцем или владельцами. Во-первых, на титуле книги сохранился автограф пером «Лев Рубинштейн 1934» — период рассматриваемого нами конфликта. Во-вторых, в книге Пильняка есть многочисленные пометы, смысл которых до конца пока не раскрыт, но, вероятно, и не имеет отношения к теме работы. В-третьих, и это уже касается глоссов Кима «Ноги к змее», в них сохранилось несколько помет, достойных отдельного исследования, однако стоит обратить внимание на одну из них. На странице 151, к главе IX «К ВОПРОСУ О КУЛЬТЕ ЛИСИЦЫ» справа на полях Рубинштейн (полагаем, что правка принадлежит именно ему) написал: «*Виктор Борисович, как вам нравится эта кокетка?*». Вероятно, помета относится к фразе Кима «Рукопись я прочитал несколько своим коллегам — профессорам ориентологам, в том числе и проф. Е. Д. Поливанову (о нем говорит В. Шкловский в «Сентиментальном путешествии»)». Рубинштейн таким образом обращал внимание Шкловского на упоминание фамилии Виктора Борисовича в положительном контексте, несмотря на продолжавшийся конфликт, забыв, что «Ноги к змее» были написаны за восемь лет до него и, предположительно, пытаюсь поддержать неприятие Шкловским Кима. Представляется, что эти старания были излишни.

Призывы Р. Н. Кима были услышаны, но остались без ответа В. Б. Шкловского и других критиков из-за большого объема идеологических рекомендаций. Вскоре после окончания конфликта, в котором он был признан проигравшим, Ким почти перестал писать о литературе, сосредоточившись на чекистской работе, а с 1937 по 1945 год находился в заключении по ложному обвинению. Лишь летом 1936 года он упомянул Рубинштейна и Далецкого, чья книга понравилась Горькому тремя годами ранее: «Честно прочитал Далецкого. Я читал эту вещь с точки зрения япониста и только. Автор знает Японию, конечно, не лучше Рубинштейна. Это — воображаемая Япония, на основе газетных статей и рассказов “очевидцев, только что приехавших из Токио”. Но ляпсусы этнографические (их немало, но и не так уж много) устранимы, если будет признано необходимым печатать эту вещь. Я согласен засесть — только вместе с автором — и выправить “не-японские” детали» (РГАЛИ. Ф. 2809. Оп. 1. Ед хр. 173. Л. 73).

После освобождения Р. Н. Ким стал признанным мэтром советского шпионского детектива и занимал должность заместителя секции детективной и приключенческой литературы в Союзе писателей СССР, где, в частности, первым дал путевку в жизнь братьям Стругацким, один из которых, Аркадий Натанович, был коллегой Кима по японоведению и переводам с японского языка. В 1967 году Р. Н. Ким скончался.

В. Б. Шкловский продолжил поддержку Л. В. Рубинштейна и еще до войны рекомендовал его кандидатуру в Союз писателей, а в 1980 году узнал, что Лев Владимирович исключен из СП СССР в связи с эмиграцией в США.

Список источников

1. Адибеков Г. М., Вада Х., Георгиев Ю. [и др.]. ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941 гг. — М. : РОССПЭН, 2001. — 792 с.
2. Васильев Б. Барабанщик японской военщины // Залп. — 1934. — № 8. — С. 33.

⁷ Se non è vero, è ben trovato (итал.). — Если это и неправда, то хорошо придумано.

3. Горький и его корреспонденты. — М. : ИМЛИ РАН. — Вып. 7. — 697 с. — (М. Горький. Материалы и исследования).
4. Ильев Б. Токио — город безработных // Залп. — 1934. — № 8. — С. 34.
5. Ким Р. Н. Ноги к змее. — Л. : Прибой, 1927. — 57 с.
6. Ким Р. Н. Военно-шовинистическая пропаганда в японской литературе и задачи советских оборонных писателей // Залп. — 1934а. — № 8. — С. 25–27.
7. Ким Р. Н. Самураи под клюквой // Вечерняя Москва. — 1934б, 26 апр. — С. 4.
8. Ким Р. Н. Три дома напротив, соседних два. — М. : Советская литература, 1934б. — 99 с.
9. М-в Н. Тревога // Залп. — 1934. — № 8. — С. 38.
10. Пильняк Б. А. Корни японского солнца. — Прибой, 1927. — 128 с.
11. Рубинштейн Л. В. Тропа самураев. — М. : Гослитиздат, 1934. — 157 с.
12. Черная Г. А. Рубинштейн Лев Владимирович // Русские детские писатели XX века : биобиблиогр. слов. — М. : Флинта : Наука, 1997. — С. 372.
13. Шкловский В. Б. Что мы знаем о Японии? // Знамя. — 1934. — № 9. — С. 250–255.

References

1. Adibekov G. M., Vada Kh., Georgiev Yu. et al. *VKP(b), Komintern i Yaponiya. 1917–1941 gg.* [All-Union Communist Party (Bolsheviks), the Comintern, and Japan. 1917–1941]. Moscow, ROSSPEN, 2001, 792 p.
2. Vasilyev B. The Drummer of Japanese Militarism. *Zalp*. [Shooting Range]. 1934, iss. 8, p. 33. (In Russian).
3. *Gorkiy i yego korrespondenty*. [Gorky and his Correspondents]. Moscow, Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. Issue 7, 697 p. (M. Gorky. Materials and Research). (In Russian).
4. Ilyev B. Tokyo: City of the Unemployed. *Zalp*. [Shooting Range]. 1934, vol. 8, p. 34. (In Russian).
5. Kim R. N. *Nogi k zmeye*. [Legs to the Snake]. Leningrad, Priboy, 1927, 57 p.
6. Kim R. N. Military-chauvinistic propaganda in Japanese literature and the tasks of Soviet defense writers. *Zalp*. [Shooting Range]. 1934a, iss. 8, pp. 25–27. (In Russian).
7. Kim R. N. Samurai under the cranberry bush. *Vechernyaya Moskva*. [Evening Moscow]. 1934b, 24 apr., p. 4. (In Russian).
8. Kim R. N. *Tri doma naprotiv, sosednikh dva*. [Three houses opposite, two neighboring ones]. Moscow, Sovetskaya literatura, 1934b, 99 p. (In Russian).
9. M-v N. Alarm. *Zalp*. [Shooting Range]. 1934, iss. 8, p. 38. (In Russian).
10. Pilnyak B. A. *Korni yaponskogo solntsa*. [Roots of the Japanese Sun]. Priboy, 1927, 128 p. (In Russian).
11. Rubinstein L. V. *Tropa samurayev*. [The Samurai Trail]. Moscow, Goslitizdat, 1934, 157 p. (In Russian).
12. Chernaya G. A. *Rubinshtein Lev Vladimirovich. Russkiye detskiye pisateli XX veka: biobibliogr. slov.* [Russian children's writers of the 20th century: biographies and bibliography]. Moscow, Flinta: Nauka, 1997, p. 372.
13. Shklovsky V. B. What do we know about Japan? *Znamya*. [Banner]. 1934, iss. 9, pp. 250–255.

Информация об авторе

Куланов Александр Евгеньевич — аспирант Института востоковедения РАН.

Сфера научных интересов: российско-японские отношения, история японоведения, противоборство спецслужб СССР и Японии.

Information about the author

Kulanov Aleksandr Evgenievich — Postgraduate student at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.

Research interests: Russian-Japanese relations, history of Japanese studies, confrontation between the special services of the USSR and Japan.

Статья поступила в редакцию 26.06.2025; принята к публикации 13.10.2025.

The article was submitted 26.06.2025; accepted for publication 13.10.2025.